

Сюжет книги частично основан
на реальных событиях.

*Воля к жизни способна сотворить чудо,
даже если кажется, что смерть уже победила.*

ГЛАВА 1

Майя вдруг поняла, что умерла этой ночью.

И не так важно, что сердце еще продолжало биться в ее измученном теле. Она прекрасно знала: с такими ранами не выживают. Сколько там было ударов ножом? Она не считала — не могла просто. Да и не помнила толком. Несколько десятков, кажется. Может, до сотни дошло. Будет заметка в криминальных новостях — и не более того. Потом — забвение...

Но как обидно, как же все-таки обидно! Она не дошла до дома каких-то пять шагов... Откуда она знала, что нужно спешить? Может, если бы она побежала... Хотя нет, ничего бы это не изменило. Они бы побежали за ней. Майя не сомневалась: те двое оказались во дворе не случайно, они поджидали именно ее.

Однако днем, до того, как начался этот кошмар, она даже не догадывалась о том, что кто-то устроил на нее охоту. Она же, она... никто! Иногда это хорошо — быть никем. Фильмы и книги учат нас, что в опасности чаще оказываются люди богатые, или знаменитые, или отважные герои. А Майя была самой обычной, не богатой так точно, иначе пошла бы она подрабатывать в кофейню? Да и первой красавицей она себя не считала. Она была лицом из толпы, и ее это вполне устраивало.

Но потом, за пять шагов до уютного безопасного дома, были два силуэта, выскользнувшие из темноты. Удар, она на земле, мир кружится. На руках скотч, на лице скотч. Долгая, бесконечная поездка в багажнике автомобиля, слезы смывают с лица тушь, сил биться в собственной клетке просто нет. Лес, темнота куда более густая, чем в городе. Воздуха так мало, воздуха почти нет — тот, кто тащит ее к деревьям от машины, душит так легко и умело... Он явно делал это раньше.

Сначала было холодно и очень больно. Потом стало как-то... странно. Сознание, пораженное болью и недостатком кислорода, то угасало, то снова выплывало из тумана. Майя больше видела, чем чувствовала. Сверху — небо, там звезды, так много звезд... Но настоящий свет идет не от них, а от фар машины, оставшейся не слишком далеко.

Этот свет, яркий, бело-желтый, делал все вокруг резко очерченным и как будто плоским. Не настоящим, а как в мультфильме — только очень, очень страшном мультфильме. Старые ели стоят сплошной стеной. Рука с ножом опускается и поднимается, быстро, безжалостно, и каждый раз утаскивает за собой шлейф из тяжелых капель. Они черные в свете фар. На самом деле они красные.

Майя все ждала тогда боли, но вместо боли приходило лишь онемение и чувство пустоты. Мысли замедлились, стали тягучими. Большую часть времени их вообще не было. Потом одна все-таки мелькнула — «Если он уничтожил так много, что же от меня осталось?» Но и эта мысль не продержалась долго, не дождалась ответа, тоже растворилась.

Майя снова застыла на границе между реальностью и забвением, когда они наконец прекратили. Один, стоявший подальше, спросил:

— Живая? Или всё уже?

Цветы пустыни

— Посмотри на это, — презрительно бросил второй. — Разве это может быть живым?

— Пульс проверь на всякий случай!

— Где я тебе его проверю? Нет там больше ничего!

— И то правда... Давай сваливать, видеть это больше не могу!

Они не сомневались в том, что убили ее, — и они не ошиблись. Они просто не учли, что умерла она не сразу. Свет фар исчез, стало очень темно — и снаружи, и как будто внутри... Майя ждала, когда же все закончится.

Но она все равно не умирала. Вопреки всему.

Ей нужно было просто подождать, она знала об этом. К чему дергаться? Это может навлечь боль, которая милостиво оставила ее в покое. Пока Майя чувствовала свое тело плохо, да и не хотела чувствовать. Она лежала с закрытыми глазами — а сквозь сомкнутые веки уже скользили первые слезы, которых почему-то не было во время убийства.

Это же нечестно. Она ничего плохого не сделала, она даже не знала этих двоих! Она не бродила по темным подворотням, не лезла к тем, кого зовут сомнительной компанией. Она просто шла домой! Но кому теперь доказывать, что она не заслужила смерти и ни в чем не ошиблась? Кому есть дело до этого — или ее сорвавшихся планов на жизнь, которая совсем недавно казалась долгой и прекрасной?

Все уже закончилось... или нет?

Она не сомневалась в том, что умрет, ее усталый разум признавал это. Но, быть может, она еще сумеет что-то изменить? Раз уж она оказалась настолько упряма, чтобы не поддаться смерти сразу. Майя уже не могла спасти себя, да и ее никто не спас. Но что, если у нее

получится уберечь другую девушку, за которой тоже однажды придут за пять шагов от дома?

Она ведь многое видела и слышала, многое запомнила во время этих странных вспышек ясного сознания. Ее убийцы не таились, потому что знали: смысла нет. Они с самого начала не планировали отпускать ее живой. Они не прятали лица и даже называли друг друга по имени.

Она могла рассказать об этом! Сначала Майя хотела просто написать их имена на песке собственной кровью — всем, что у нее еще осталось... Но даже в своем нынешнем состоянии она поняла, что толку от этого будет немного. Если пойдет дождь, надписи смоем сразу. Да и потом, неизвестно, когда найдут ее труп!

Странно было думать так о себе. Не страшно, просто странно. Онемение распространялось не только на тело, душу оно тоже сковывало. Должно быть, это какой-то механизм психологической защиты, последний подарок от природы. Раз уж все закончилось — нет смысла у страха и паники. Страх, в конце концов, это тоже инструмент выживания.

Но даже сквозь это онемение пробивалась последняя упрямая злость. Нечестно, несправедливо, неправильно... То, что ее жизнь выкинули на помойку без особых усилий, неправильно. Те двое торжествовали, когда уезжали отсюда. Они насладились моментом, они решили, что все получилось... Майя должна была отомстить им.

А для этого необходимо добраться до людей. Дорога не может быть так уж далеко! Майя, запертая в багажнике, не видела, куда ее везли. Но она чувствовала разницу в дорогах под колесами машины: большую часть времени все было хорошо, явно отличный асфальт, и лишь в последние минуты автомобиль начало

Цветы пустыни

трясти. Ее убийцы не стали отъезжать слишком далеко, шоссе где-то рядом, там будут люди, они запомнят ее слова, передадут, кому нужно!

Но до людей еще необходимо добраться. То расстояние, которое она живая преодолела бы за пару минут, могло стать непреодолимым испытанием для нее мертвой. Сначала Майя хотела просто ползти, стараясь не думать о том чудовищном кровавом следе, который она за собой оставит. Однако она быстро поняла, что так у нее ничего не получится. Чудо уже то, что она прожила так долго. Вот только даже у чудес есть свой предел, и если она попытается ползти, времени ни за что не хватит.

Ей нужно было встать и идти. Так быстро, как позволяло израненное тело. И даже так она могла не справиться... Майя подозревала, что, если у нее и получится встать, она развалится на части — в самом пугающем смысле. Да, у нее больше не было причин беречь себя и на что-то надеяться. Зато у нее была цель, последнее желание — и последний шанс на справедливость! Чтобы добиться этого, ей нужно было не выжить, а прожить достаточно долго.

Поэтому она заставила себя забыть про животный ужас перед собственной смертью и действовать четко, как человек, у которого все под контролем, он просто решает ничего не значащую задачу. Осматривать свое тело не было смысла: она бы ничего не разглядела в темноте, да и приподняться, как ни странно, было чуть ли не сложнее, чем просто встать. Поэтому Майя вынудила себя поднять руки, давно ставшие невероятно тяжелыми. Она пальцами изучала то, на что не осмеливались смотреть глаза.

Все было именно настолько плохо, как она ожидала. Или хуже... Она помнила, что большая часть ударов пришлось в живот и шею. Пальцы теперь доказывали,

что память все сохранила верно. На животе — меси-во, горячо, мокро, слишком мягко... Шеи как будто нет. Странные борозды, что-то твердое, и тоже пульсирует горячее и мокрое. Если бы у Майи спросили, сколько можно прожить с такими ранами, она бы лишь рассмеялась в ответ. Или нет. Или просто сказала, что шутка неудачная.

Но теперь этой неудачной шуткой стала она сама. Боли по-прежнему не было, а вот сознание странно прояснилось, подбрасывая одну идею за другой. На руках у Майи все еще были остатки скотча: убийцы просто разрезали его, когда вытащили жертву из машины, снимать не стали. Теперь Майя использовала его, кое-как содрала с кожи широкие серебристые полосы, чтобы наклеить на остатки собственной шеи. Кажется, получилось... Она не знала наверняка, не представляла, сколько импровизированная повязка продержится на крови.

С животом все было куда сложнее. Майя с холодной обреченностью понимала: если она попытается встать прямо сейчас, лишится внутренностей. Потому что в своем нынешнем состоянии она способна подняться, только упираясь в землю двумя руками, придерживать края раны она просто не сможет. Ну а после такого даже ее необъяснимо затянутая смерть наконец завершится.

Нет, нельзя так подыгрывать собственным убийцам. Майя повторяла это себе снова и снова, чтобы не поддаться отчаянию, уже скользившему в уголках сознания. У нее есть цель. Ее последняя миссия, порученная ею самой себе. И она не проиграет в решающий момент!

Тело по-прежнему оставалось неподвижным, а руки отчаянно, резко двигались, обыскивая окружающее пространство. Майя помнила, что ее сначала швырну-

Цветы пустыни

ли на землю, а потом только начали срывать с нее одежду. Убийцы действовали быстро, бесцеремонно и немного неуклюже. Что-то должно было остаться!

Не сразу, но пальцы все-таки нащупали кое-что мягкое на твердой земле. Майя подтащила это к себе и обнаружила, что ей повезло даже больше, чем она ожидала. Платье! Если бы она наткнулась на куртку или шарф, толку было бы куда меньше. Но платье — это хорошо, прекрасно даже. Оно длинное, плотное и тянущееся. Вискоза и эластан. От того, что его разрежали, даже лучше!

Майя развернула тряпку, в которую превратилось ее платье, и с четкостью и методичностью машины принялась наматывать вокруг талии некое подобие корсета. Она бы удивила сама себя, если бы не потеряла способность удивляться. Она раньше и не догадывалась, что она такая.

Она понятия не имела, получится у нее что-то или нет, но ждать было бессмысленно. Голова кружилась все сильнее, боль прорывалась через онемение и шок. Еще несколько минут — и ничего сделать она уже не сможет. Сейчас или никогда!

Она все-таки поднялась на ноги. Медленно, очень медленно — не из-за осторожности, иначе не получалось. Сначала — на бок, потом — оттолкнуться от земли, стать на четвереньки... В животе что-то странно шевельнулось, но боли по-прежнему не было, а корсет удержал.

Она поднялась на ноги, застыла, ожидая, когда мир перестанет кружиться... А он рванулся в сторону и начал темнеть. Майя не сразу поняла, что происходит, среагировала инстинктивно: руки метнулись к шее. Вовремя. Когда Майя поднялась, голова сама собой начала заваливаться назад. Ее голова! От этого накатила

новая волна страха, казавшегося бессмысленным теперь, когда смерть неизбежна. Но все же... Так не бывает, не может быть! Наверно, ее все-таки убили сразу? А все, что происходит теперь, — это какая-то жуткая версия чистилища, где покоя просто не существует?

И снова у Майи не было ответа. У нее только и осталось, что злость и упрямство. Она двумя руками поддержала шею, не давая голове упасть, и зрение чуть-чуть прояснилось. Должно быть, какой-то нерв поврежден, или как это называется... Нормально видеть она больше не могла, ей только и оставалось, что двигаться вперед. Шаг за шагом. Неуклюже, резко, но — не падая. Не падая там, где другие бы упали.

Чтобы не поддаваться панике, она позволила себе думать не о настоящем моменте, а о том, что осталось за его пределами.

Думала о маме. Хоть бы не ее вызвали опознавать тело... Пусть будет кто-то другой. А мама пусть так и не узнает всю правду.

Думала о тех двух ублюдках, которые убили ее. Они не должны уйти безнаказанными, не должны... Они ведь ни в чем не сомневались! Если они и боялись, то только проблем с полицией. Майя была не важна для них в тот момент, когда они крали ее жизнь.

Думала о том, что в выходные договорилась встретиться с подругами. Подала заявку на конкурс. Присмотрела ярко-синее платье в магазине и терпеливо дожидалась распродажи. Планировала наконец-то выехать на море этим летом или в сентябре. Планировала, планировала... Это было важно вчера — и даже сегодня утром. Это так быстро потеряло смысл.

Когда ее угасающее зрение уловило впереди огни, Майя почувствовала нечто похожее на прилив сил, пусть и незначительный. Да, огни были далеко, они на-

Цветы пустыни

поминали искаженный узор в сломанном калейдоскопе. Но ведь они были! А огни — это люди. Это жизнь. Это те, кто услышит ее последние слова!

Нужно только дойти. Шаг за шагом. Раньше движение воспринималось как нечто естественное, доступное всем. Теперь Майя отвоевывала у судьбы каждый сантиметр, приближавший ее к дороге.

Спустя целую вечность огни стали ближе, она услышала шум двигателей... Это шоссе, это не какая-нибудь пустынная загородная дорога, она ни в чем не ошиблась! Можно было бросить на это остатки сил, ускориться... Все равно уже почти финал.

Она вышла на дорогу. Она не представляла, как выглядит, что о ней подумают. Ей было все равно. Майя даже не разрешила себе упасть сразу же, когда под богами оказался асфальт. Нет, на обочине темно, туда никто не смотрит! Ей нужно, чтобы все произошло быстро и наверняка. Поэтому она, дрожащая от шока, почти ослепшая, продолжила идти.

Света стало больше, к шуму двигателей прибавился резкий и злой звук гудка. Раньше это было бы плохо, теперь — хорошо. Сигнал — это люди. Она ведь к ним и шла!

Майя упала на середине дороги, зная, что больше не поднимется никогда. Она улыбалась, сама не зная, чему. Мутное зрение различало теперь только рыжие пятна фонарей и далекую чернь неба.

Потом были люди — тоже пятна на черном. Лиц она больше не видела, не могла. Слова звучали глухо, как будто между Майей и остальным миром образовался кокон, сплошной, непробиваемый. Но это не так важно, она все равно не собиралась слушать, она должна была рассказать!

Она открыла рот, чтобы наконец сообщить все — назвать имена, описать внешность, объяснить, что на

нее не просто напали, все это было частью чего-то большего! Но... она не смогла произнести ни слова. Пыталась — и не могла, только беспомощно открывала рот.

Чудовищные удары в шею задели и голосовые связки, но Майя поняла это только сейчас. Те слова, которые она с нечеловеческими усилиями старалась донести, так и не прозвучали. Погружаясь в пустоту, Майя лишь успела с бессильной горечью подумать, что теперь ее убийцы так и останутся безнаказанными.

* * *

— Ты очень изменилась за то время, что мы не виделись, — тихо сказала Жанна.

Таисе захотелось отшутиться, с улыбкой доказывая, что она все та же. Или спросить, уверена ли собеседница в каких-то переменах. Но потом Таиса поняла, что все это прозвучит наивно до глупости. Конечно, изменилась. Все заметили. Поэтому она лишь уточнила:

— К лучшему или к худшему?

— Не знаю. Просто ты теперь другая.

Сложно было не стать другой после нескольких месяцев обучения у одного из лучших профайлеров мира. Это оказалось намного сложнее, чем ожидала Таиса. Но она ведь сразу знала, на что шла, и отступить не собиралась. Даже когда поняла, что милые улыбки и старческое причитание Николая Форсова — всего лишь фасад, за которым скрывается беспощадный и требовательный наставник.

Многие думали, что она откажется от идеи стать профайлером после дней, проведенных в больнице. Мол, это же Таиса — она ничего не воспринимает всерьез, быстро устаёт от собственных идей и ищет что-нибудь новенькое! Смотрите, она вот-вот бросит и это хобби!